

Павел Васильевич Анненков

Граф Л. Н. Толстой

Павел Васильевич Анненков

Граф Л. Н. Толстой

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572165*

Аннотация

«...У гр. Л.Н. Толстого есть своя постоянная, предвзятая идея, как увидим ниже, но способы проводить эту идею в литературу, относиться к ней и выражать ее до того разнятся с обыкновенными приемами деловой беллетристики, что искать какой-либо солидарности или родственности между двумя романами литературного производства было бы совершенно напрасным делом.

С именем Толстого (Л.Н.) связывается представление о писателе, который обладает даром чрезвычайно тонкого анализа помыслов и душевных движений человека и который употребляет этот дар на преследование всего того, что ему кажется искусственным, ложным и условным в *цивилизованном* обществе...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Павел Васильевич Анненков Граф Л.Н. Толстой

I

Недавно мы имели случай говорить об одном из представителей деловой беллетристики, Н. Щедрине, и заметить, что он до излишества предается искушению растолковывать читателю каждое явление и каждый производимый им факт с одной постоянной точки зрения, на которой он незыблемо утвердился. Иначе поступает писатель, имеющий подобную же любимую, неподвижную точку зрения, но обладающий сильными художественными средствами. У гр. Л.Н. Толстого есть своя постоянная, предвзятая идея, как увидим ниже, но способы проводить эту идею в литературу, относиться к ней и выражать ее до того разнятся с обыкновенными приемами деловой беллетристики, что искать какой-либо солидарности или родственности между двумя романами литературного производства было бы совершенно напрасным делом.

С именем Толстого (Л.Н.) связывается представление о писателе, который обладает даром чрезвычайно тонкого анализа помыслов и душевных движений человека и который

употребляет этот дар на преследование всего того, что ему кажется искусственным, ложным и условным в *цивилизованном* обществе. Сомнение относительно искренности и достоинства большей части побуждений и чувств так называемого образованного человека на Руси вместе с искусством передает нравственные кризисы, которые навещают его постоянно, составляет отличительную черту в творчестве нашего автора. Еще в первых своих произведениях: «Детство» и «Отрочество» – Толстой уже был психологом и скептиком; он уже и тогда показал публике, до чего может идти острый психический анализ, опирающийся на сомнение в человеческой природе, которая испорчена прикосновением цивилизации. Взрослые, уже кончившие полный курс извращения своих естественных чувств и склонностей, и молодые их отпрыски, только еще начинающие эту науку извращения, одинаково подпали его исследованиям, разумеется, в меру успехов, полученных ими на поприще скрытности, лицемерной сдержанности и разладицы между настоящим чувством и чувством выражаемым. Он проникал, не разбирая пола и возраста, до дна тех кокетливых и наружно-благообразных душевных порывов человека, которые покрывают другой, тайный мир его ощущений и мыслей, исполненный страшилищ или, по крайней мере, карикатур и пародий на то, что вышло к свету, на фразу, идею, слезу и проч. Тогда еще публика не угадала настоящих поводов автора к этому разоблачению, да и он сам вряд ли ясно сознавал их, следуя только инстинк-

тивно побуждениям своего таланта. Без всякого дальновидного расчета или намерения, он и скрыл их, выдвинув на первый план жизнь богатого дворянского дома, проникнутую чувством семейности, живые, милые лица детей и подростков, которым их почтенные родные служат как бы массивной оттеняющей рамой, и окружив еще всю эту картину разнообразными явлениями природы, сценами народного и домашнего быта. И впоследствии анализ Толстого никогда не выражался сухо, сам для себя или при помощи нарочно приготовленных для него типов (за исключением одного или двух неудачных соображений вроде «Люцерна»): наоборот, анализ его всего более нуждается в полной жизни, хорошо растет только промеж разнообразия форм, в среде свободных людских отношений и при оригинальных личностях, раздражающих и вызывающих его. Он тогда прививается к ним с цепкостью лианы, но надо было несколько времени для того, чтоб настоящие свойства этого анализа уяснились как самому автору, так и его читателям. Только в последнее время Толстой сам откровенно выдал себя за скептика и гонителя не только *русской* цивилизации, но и расслабляющей причудливой, многотребовательной и запутывающей цивилизации вообще. Какой идеал общественного развития желал бы он поставить на место заподозряемого и отвергаемого им развития, этого автор не сказал, и не только не сказал, но нигде не видно, чтоб он присоединился и к тому, что говорили по этому поводу те литературные партии наши,

которые гордятся обладанием подобных идеалов. Художническое его чувство, вместе с привычкой к сомнению и анализу, не позволили ему остановиться ни на одной из существующих программ лучшего развития, так как и составить свою собственную. Надо сказать, что эта привычка к сомнению и анализу воспитала в нем самом капризную и заносчиво-оригинальную мысль, которая уже не сносит какого бы то ни было самого законного посягательства на свою свободу, представляя оно хоть в форме дознанного исторического закона, или в форме несомненного, многолетнего опыта или, наконец, в виде лучезарного художнического произведения. Мысль эта начинает тотчас же работать по-своему над ними, не осведомляясь о прежде бывших путях исследования, всегда отыскивая свой собственный, одной ей принадлежащий, и часто кончая тем, что теряет из вида самый предмет анализа со всеми его реальными свойствами и уже разлагает себя самое. Некоторые страницы «Ясной Поляны» (возьмите хоть статью «Воспитание и образование» в июльской книжке, 1862) могут подтвердить наши слова. В этих случаях капризно-оригинальная и независимая мысль эта становится похожа на станок, приведенный в движение сильной паровой машиной, но лишенный материала производства: шум, стук, напряженная деятельность тут существуют, как и при настоящей работе, но станок собственно занят ускорением собственной порчи. Отсутствие *«идеала цивилизации»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.